

Б.Ф. Микельанджело

**Переписка Микель-Анджело
Буонарроти и жизнь мастера,
написанная его учеником
Асканио Кондиви**

**С приложением портрета и
двадцати рисунков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 7.01
ББК 85
Б11

Б11 **Б.Ф. Микельанджело**
Переписка Микель-Анджело Буонарроти и жизнь мастера, написанная его учеником Асканио Кондиви: С приложением портрета и двадцати рисунков / Б.Ф. Микельанджело – М.: Книга по Требованию, 2021. – 242 с.

ISBN 978-5-518-06802-5

ISBN 978-5-518-06802-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

затрудненій, и, конечно, самымъ достовѣрнымъ источникомъ являются письма Микель-Анджело, гдѣ передъ нами встаетъ образъ великаго мастера, имъ же самимъ начертанный.

Я счастлива представить впервые русской публикѣ переводъ этихъ драгоцѣнныхъ писемъ, которыя ярко обрисовываютъ личность великаго Микель-Анджело.

Переводъ біографіи на русскій языкъ я дополнила примѣчаніями, приложенными къ послѣднему итальянскому изданію біографіи Кондиви, а также казавшимися мнѣ нужными примѣчаніями къ письмамъ, взятыми частью изъ изданія Миланези, частью изъ нѣмецкаго изданія К. Фрея и частью моими собственными.

М. Павлова.

Ж И З Н Ь
МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО
БУОНАРРОТИ.

ЖИЗНЬ МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ

I. Микель-Анджело Буонарроти, знаменитый живописецъ и скульпторъ, происходилъ изъ благородной и знатной фамиліи области Реджіо, графовъ да Каносса, прославившейся какъ своими заслугами и древностью рода, такъ и родствомъ съ королевскимъ домомъ. Беатриче, сестра Генриха II, была женой графа да Каносса ¹⁾, тогда синьора Мантуи. Отъ этого брака родилась графиня Матильда, женщина рѣдкаго ума и необыкновенной религіозности. Послѣ смерти своего мужа Готфредо она получила въ Италіи Мانتую, Лукку, Парму, Реджіо и ту часть Тосканы, которая теперь носитъ названіе Папской области. Графиня Матильда въ теченіе всей своей жизни дѣлала много добра; она была погребена въ аббатствѣ Св. Бенедикта, около Мантуи, которое она построила и богато одарила.

II. Въ 1250 году одинъ изъ членовъ фамиліи да Каносса, синьоръ Симоне, пріѣхавшій во Флоренцію исполнять должность подесты ²⁾, заслужилъ своими доблестями званіе гражданина этого города и начальника одной его части. Флоренція была тогда раздѣлена на столько же частей, сколько теперь кварталовъ. Онъ былъ во Флоренціи руководителемъ партіи гвельфовъ; за многія благодѣянія, оказанныя ему этой партіей, онъ отрекся отъ гибелиновъ, къ которымъ прежде принадлежалъ, сдѣлался гвельфомъ и перемѣнилъ цвѣта на своемъ гербѣ: красный щитъ превратилъ въ голубой, а ползущую на щитѣ бѣлую собаку съ костью въ пасти замѣнилъ золотой. Чтобы дополнить этотъ гербъ, синьорія дала ему впослѣдствіи зубецъ крѣпостной стѣны съ пятью красными лиліями и шлемъ съ двумя бычьими рогами, золотымъ и голубымъ, какъ это доказываютъ древніе расписанные щиты фамиліи

¹⁾ Преданіе это, въ которое вѣрили современники Микель-Анджело, а можетъ быть и онъ самъ, лишено всякой исторической основы; это ясно доказалъ маркизъ Джузеппе Кампори въ своей книгѣ: «Catalogo degli artisti italiani e stranieri negli Stati Estensi»

²⁾ Подестà—консуль.

да Каносса. Старый гербъ, сдѣланный по желанію мессера Симоне изъ мрамора, находится во дворцѣ подесты.

III. Причина, по которой потомки мессера Симоне во Флоренціи перемѣнили имя Каносса на Буонарроти, слѣдующая. Имя Буонаррото переходило въ семьѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе до Микель-Анджело, у котораго былъ братъ, носившій это же имя. Многіе изъ этихъ Буонаррото засѣдали въ синьоріи, т.-е. занимали высшія должности флорентійской республики; братъ Микель-Анджело былъ членомъ синьоріи въ то время, когда папа Левъ находился во Флоренціи, какъ показываютъ грамоты города.

Имя это, такимъ образомъ, сдѣлалось постояннымъ въ семьѣ и перешло въ фамилію. Сдѣлать это было легко, потому что во Флоренціи существовалъ обычай при выборахъ прибавлять къ имени гражданина имя его отца, дѣда, прадѣда, а иногда и еще болѣе старшаго въ родѣ. Такимъ образомъ эти многочисленные Буонарроти, среди которыхъ былъ Симоне—первый изъ этой семьи, пріѣхавшій во Флоренцію,—назывались и называются теперь Буонарроти Симони, хотя и ведутъ свое начало отъ дома Каносса. Недавно, во время своего пребыванія во Флоренціи, папа Левъ X далъ этому семейству много привилегій и прибавилъ къ гербу Буонарроти голубой шаръ, украшающій гербъ дома Медичи, и три золотыхъ лиліи.

IV. Въ этой семьѣ родился знаменитый Микель-Анджело, отца котораго звали Лодовико ди Леонардо Буонарроти Симони ¹⁾; это былъ человѣкъ религіозный и добрый, придерживавшійся обычаевъ старины. Въ то время, когда онъ занималъ должность подесты въ мѣстечкахъ Кьюзи и Капрезе въ Казентинской области, въ 1474 году, по христіанскому лѣтосчисленію, 6 марта, въ понедѣльникъ, въ четыре часа утра, у него родился сынъ Микель-Анджело. Несомнѣнно, что счастливый и вѣщій часъ, въ который совершилось это событіе, когда Меркурій и Венера сошлись въ созвѣздіи Юпитера, предвѣщалъ, что родился человѣкъ высокаго и благороднаго духа, который будетъ одинаково преуспѣвать во всѣхъ своихъ начинаніяхъ, особенно въ искусствахъ, услаждающихъ наши чувства, а именно въ живописи, скульптурѣ и архитектурѣ. По истеченіи срока службы, отецъ вернулся во Флоренцію и отдалъ ребенка кормилицѣ въ деревню, назы-

¹⁾ Мать Микель-Анджело, происходившая изъ благородной семьи,—Франческа, дочь Миніато дель Сера и Бонды Ручеллаи. Надо замѣтить, что Кондиви придерживается обычая флорентійцевъ, начинающихъ лѣтосчисленіе съ Благовѣщенія, и что Микель-Анджело, родившійся, по флорентійскому лѣтосчисленію, 6 марта 1474 года, по общепринятому лѣтосчисленію родился въ 1475 году.

ваемую Сетиньяно, находившуюся въ трехъ миляхъ отъ города; тамъ у него было имѣніе, принадлежащее имъ посейчасъ,—одно изъ первыхъ прибрѣтеній, сдѣланныхъ въ этой странѣ мессеромъ Симоне да Каносса. Кормилица была дочерью каменотеса, замужемъ также за каменотесомъ. Вспоминая объ этомъ, Микель-Анджело имѣлъ обыкновеніе говорить, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что его такъ прельстилъ рѣзецъ; при этомъ онъ добавлялъ, что молоко кормилицы имѣетъ такое вліяніе на младенцевъ, что часто мѣняетъ ихъ темпераменты и вводитъ въ нихъ наклонности, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя имъ даны природой.

V. Ребенокъ подрасталъ, и, когда онъ достигъ школьнаго возраста, отецъ, видя его пытливый умъ и желая пристрастить къ наукамъ, послалъ его въ школу нѣкаго учителя, Франческо да Урбино, который въ то время преподавалъ грамматику во Флоренціи. Но, хотя мальчикъ и дѣлалъ успѣхи, его природная наклонность, съ которой трудно было бороться, влекла его къ живописи, такъ что ребенокъ не могъ заставить себя проводить время за уроками. бѣгалъ рисовать то туда, то сюда и искалъ общенія съ художниками. Среди послѣднихъ его большимъ пріятелемъ былъ нѣкій Франческо Граначчи, ученикъ Доменико дель Гирландайо; видя въ ребенкѣ страстную любовь къ искусству, онъ рѣшилъ придти ему на помощь, поощрялъ его постоянно, доставлялъ ему рисунки. водилъ съ собой въ мастерскую своего учителя и въ другія мѣста, украшенныя художественными произведеніями, и вообще старался развивать его способности. Подъ вліяніемъ Граначчи и благодаря врожденной любви къ живописи, не дававшей ему покоя, Микель-Анджело совершенно забросилъ науки. Отецъ и братья отца, у которыхъ искусство было въ большомъ пренебреженіи, очень неодобрительно отнеслись къ этому и даже нерѣдко его били; не имѣя понятія о достоинствахъ благородныхъ искусствъ, они считали стыдомъ имѣть у себя въ домѣ художника. Однако, какъ бы велико ни было это неудовольствіе, оно не заставило отступить Микель-Анджело, который, сдѣлавшись болѣе смѣлымъ, пожелалъ испробовать искусство красокъ. Однажды, когда Граначчи ему показалъ эстампъ, гдѣ была изображена исторія св. Антонія, побитаго демонами, авторомъ котораго былъ Мартино д'Олланда ¹⁾, извѣстный художникъ того времени, Микель-Анджело написалъ копію съ этого эстампа на кускѣ дерева и сдѣлалъ это такъ искусно, что не только привелъ въ восторгъ

¹⁾ По словамъ Вазари, эстампъ этотъ былъ сдѣланъ Мартино Тедеско или, какъ нѣкоторые его называютъ, Буонмартино.

всѣхъ, кто ее видѣлъ, но, какъ говорятъ нѣкоторые, возбудилъ зависть въ самомъ Гирландайо, лучшемъ мастерѣ своего времени ¹⁾). Изъ боязни быть превзойденнымъ Гирландайо говорилъ, что это произведеніе вышло изъ его мастерской, и что онъ тоже надъ нимъ работалъ. Дѣлая эту картинку, на которой, кромѣ святого, было изображено много демоновъ и страшилищъ, имѣвшихъ странныя, уродливыя формы, Микель-Анджело выказалъ такое прилежаніе, что всѣ отдѣльныя части старался написать съ натуры. Для этого онъ посѣщалъ рыбный рынокъ, наблюдая форму и цвѣтъ плавниковъ рыбы, оттѣнки глазъ и разныя другія вещи, чтобы изобразить ихъ на своей картинѣ. Совершенство, котораго онъ при этомъ достигъ, привело, какъ я уже сказалъ, въ восхищеніе публику и возбудило нѣкоторую зависть Гирландайо. Последняя сказала еще яснѣе однажды, когда Микель-Анджело, попросивъ у своего учителя одинъ изъ его альбомовъ съ набросками пастуховъ, овецъ, собакъ, крестьянъ, домовъ, развалинъ и тому подобныхъ вещей, получилъ въ этомъ отказъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Гирландайо заслужилъ у своихъ современниковъ прозвище «завистника», такъ какъ и по отношенію къ своему брату онъ не былъ любезнѣе, чѣмъ къ Микель-Анджело. Когда онъ увидѣлъ, что братъ начинаетъ одерживать надъ нимъ верхъ и подавать большія надежды, онъ послалъ его во Францію не столько для его пользы, какъ говорили нѣкоторые, сколько для того, чтобы остаться первымъ въ своемъ искусствѣ во Флоренціи. Я упомянулъ объ этомъ потому, что сынъ Доменико обыкновенно приписываетъ значеніе Микель-Анджело, по большей части, вліянію своего отца, который, однако, не принесъ ему никакой пользы. Но Микель-Анджело никогда не жаловался на него; наоборотъ, онъ всегда хвалилъ Гирландайо за его искусство и привычки. Однако, мы уклонились въ сторону; вернемся къ нашей исторіи.

VI. Въ то же время Микель-Анджело не менѣе удивилъ своихъ товарищей по мастерской другой работой, которую онъ сдѣлалъ ради шутки. Однажды кто-то далъ ему скопировать какую-то голову, и онъ вмѣсто оригинала вернулъ копію. Это выяснилось много времени спустя, когда Микель-Анджело со смѣхомъ рассказалъ объ этомъ одному изъ своихъ товарищей. Тогда многіе захотѣли сравнить копію

¹⁾ Вазари старался стереть это пятно съ имени Гирландайо, но воспоминанія отца Микель-Анджело, переданныя намъ знаменитымъ біографомъ, не могутъ умолчать о зависти и недоброжелательствѣ Доменико. Не слѣдуетъ забывать, что Кондиви писалъ при жизни и подъ надзоромъ Микель-Анджело, который никогда бы не позволилъ клеветать на своего учителя

съ оригиналомъ, но не нашли никакой разницы, потому что Микель-Анджело нарисоваль ее съ неподражаемымъ совершенствомъ и, прокоптивъ, придавъ ей такой же старый видъ, какой былъ у оригинала. Этотъ случай доставилъ ему много похвалъ.

VII. Такимъ образомъ молодой человѣкъ продолжалъ копировать то одно, то другое, не имѣя еще ни школы, ни опредѣленной мастерской. Однажды Граначчи повелъ его въ садъ Медичи въ Санъ Марко ¹⁾. Въ этомъ саду Лоренцо Великолѣпный, отецъ папы Льва, человѣкъ выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ, собралъ много античныхъ статуй и другихъ фигуръ, которыя ему нравились. Когда Микель-Анджело увидѣлъ и оцѣнилъ ихъ, онъ не захотѣлъ больше возвращаться въ мастерскую Доменико, никуда больше не ходилъ, а цѣлые дни оставался тамъ, какъ въ лучшей школѣ искусства, и копироваль одну вещь за другой. Какъ-то разъ, разсматривая голову смѣющагося фавна, съ фізіономіей старца и длинной бородой, у котораго ротъ былъ такъ обезображенъ временемъ, что едва можно было догадаться, какъ онъ былъ сдѣланъ, Микель-Анджело такъ плѣнился ею, что рѣшилъ сдѣлать съ нея копію изъ мрамора ²⁾. Въ то время въ саду Медичи, по заказу Лоренцо Великолѣпнаго, исполнялись мраморныя украшенія для прекраснаго зданія, строившагося для храненія книгъ, собранныхъ имъ и его предками въ разныхъ частяхъ свѣта. (Постройка эта, вслѣдствіе смерти Лоренцо и по другимъ причинамъ, не была закончена; спустя много лѣтъ, папа Клементъ снова взялся за нее, но не довелъ ея до конца, и до сихъ поръ еще книги хранятся въ ящикахъ). Микель-Анджело попросилъ кусокъ мрамора у мастеровъ и, пользуясь ихъ инструментами, съ такимъ рвеніемъ принялся за работу, что черезъ нѣсколько дней довелъ ее до совершенства, добавивъ по своей фантазіи все то, чего недоставало у оригинала. Онъ открылъ фавну ротъ, какъ у смѣющагося человѣка, настолько, что были видны всѣ зубы. Въ это время Лоренцо Великолѣпный пришелъ въ садъ, чтобы посмотреть, насколько подвинулись заказанныя имъ работы, и увидѣлъ молодого человѣка, который былъ занятъ полировкой головы своего фавна. Онъ подошелъ къ нему и былъ удивленъ какъ законченностью работы, такъ и возрастомъ художника. Похваливъ работу, онъ сказалъ шутя: «Ты сдѣлалъ своего фавна очень

¹⁾ По словамъ Вазари, Доменико Гирландайо отправилъ Микель-Анджело въ садъ Санъ Марко, а не Граначчи, какъ говоритъ Кондиви. Это случилось въ 1489 г.

²⁾ Голова этого фавна, первая скульптурная работа Микель-Анджело, находится во Флоренціи, въ галлерей Уффици.

старымъ, а оставилъ ему всѣ зубы во рту; развѣ ты не знаешь, что у стариковъ всегда недостаетъ нѣсколькихъ»? Микель-Анджело съ нетерпѣніемъ ждалъ ухода Лоренцо, чтобы исправить свою ошибку. Оставшись одинъ, онъ сломалъ своему старику зубъ на верхней челюсти и, сдѣлавъ углубленіе въ деснѣ, чтобы показать, что зубъ выпалъ съ корнемъ, онъ съ волненіемъ ждалъ слѣдующаго дня и прихода Великолѣпнаго. Придя въ садъ. Лоренцо отъ всей души посмѣялся надъ простодушіемъ и наивною молодого человѣка, но потомъ. оцѣнивъ работу, онъ рѣшилъ придти ему на помощь и развитъ его способности, оставивъ юношу у себя въ домѣ. Спросивъ его, чей онъ сынъ, онъ сказалъ ему: «Пойди, скажи твоему отцу, что я желаю поговорить съ нимъ».

VIII. Придя домой, Микель-Анджело передалъ порученіе Великолѣпнаго. Отецъ догадался, зачѣмъ его зовутъ, и, несмотря на старанія Граначчи и другихъ знакомыхъ, никакъ не могъ рѣшиться отправиться во дворецъ. Онъ жаловался, что хотятъ испортить его сына, и прибавлялъ, что никогда не допуститъ, чтобы его сынъ сдѣлался каменотесомъ. Онъ не хотѣлъ и слушать Граначчи, доказывавшаго ему разницу между скульпторомъ и каменотесомъ, и долго стоялъ на своемъ. Наконецъ, онъ все-таки заставилъ себя пойти къ Великолѣпному и, когда послѣдній спросилъ его, хочетъ ли онъ довѣрить ему своего сына, онъ не въ состояніи былъ отказать ему. «Не только сынъ», отвѣтилъ онъ, «но мы всѣ, наша жизнь и наше имущество — все въ распоряженіи Вашего Великолѣпія». Когда же Лоренцо спросилъ его, что онъ можетъ для него сдѣлать, онъ сказалъ: «Всю мою жизнь я ничѣмъ не занимался; я жилъ на небольшіе доходы съ моего маленькаго имѣнія, оставленнаго мнѣ предками, и старался не только сохранить его, но увеличить по мѣрѣ силъ». Тогда Великолѣпный отвѣтилъ: «Хорошо, поищите во Флоренціи какую-нибудь подходящую себѣ работу, надѣйтесь на меня, я сдѣлаю для васъ все, что могу». Отпустивъ старика, онъ велѣлъ дать Микель-Анджело хорошую комнату въ своемъ домѣ, старался удовлетворять всѣ его желанія, обращался съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ и требовалъ, чтобы онъ обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ, за которымъ ежедневно собирались важные сановники и знатныя личности. Великолѣпный имѣлъ обыкновеніе сажать возлѣ себя людей, являвшихся къ столу раньше другихъ, по чинамъ и не позволялъ имъ уступать своихъ мѣстъ даже и важнымъ особамъ, приходившимъ позднѣе; поэтому часто случалось, что Микель-Анджело сидѣлъ выше сыновей Лоренцо и другихъ знатныхъ личностей. Микель-Анджело отъ всѣхъ получалъ хвалу и поощре-

ніе въ своихъ занятіяхъ, но больше всего отъ самого Великолѣпнаго. Нѣсколько разъ въ день Лоренцо призывалъ его къ себѣ и показывалъ ему свои драгоценности, камеи, медали и другія рѣдкія вещи, какъ человѣку, вкусъ и сужденія котораго онъ очень цѣнилъ.

IX. Микель-Анджело вошелъ въ домъ Лоренцо Великолѣпнаго на шестнадцатомъ году своей жизни и оставался тамъ около двухъ лѣтъ, до смерти Лоренцо въ 1492 г. ¹⁾). Между тѣмъ освободилось мѣсто въ таможенѣ, которое могъ занять только гражданинъ Флоренціи. Лодовико, отецъ Микель-Анджело, явился къ Великолѣпному и просилъ его слѣдующими словами: «Лоренцо, я умѣю только читать и писать; теперь, узнавъ о смерти служившаго въ таможенѣ товарища Марка Пуччи, я хотѣлъ бы занять его мѣсто. Мнѣ кажется, что я сумѣю взяться за это дѣло». Великолѣпный, ожидавшій отъ него гораздо большей просьбы, ударилъ его по плечу и сказалъ: «Ты всегда останешься бѣденъ»; при этомъ онъ прибавилъ: «впрочемъ, если хочешь, можешь занять мѣсто товарища Марка, пока не подыщешь лучшаго». Должность эта приносила около восьми скудо ²⁾ въ мѣсяцъ.

X. Микель-Анджело продолжалъ заниматься и каждый день отдавалъ отчетъ въ своихъ занятіяхъ Великолѣпному. Въ этомъ же дворцѣ жилъ нѣкій Полиціано, ученый и мудрый человѣкъ, какъ это всѣмъ извѣстно, и какъ показываютъ его труды. Цѣня въ Микель-Анджело его высокій умъ, онъ очень любилъ его и постоянно побуждалъ работать, хотя Микель-Анджело въ этомъ совсѣмъ и не нуждался; онъ многое объяснялъ ему и постоянно находилъ ему занятія. Между прочимъ, однажды онъ предложилъ ему вылѣпить «Похищеніе Деяниры» и «Битву Кентавровъ» и рассказалъ ему въ подробностяхъ всѣ эпизоды этихъ фабулъ. Микель-Анджело вылѣпилъ изъ мрамора барельефъ настолько удачно, что, какъ я вспоминаю, всякій разъ при видѣ этой группы онъ говорилъ, что сознаетъ ошибку, которую онъ сдѣлалъ, не отдавшись всецѣло скульптурѣ: чего бы онъ могъ достигнуть, можно судить по этому произведенію. При той скромности, которая ему была присуща, онъ говорилъ это не изъ хвастовства, а жалуясь на свое несчастье, такъ какъ благодаря ошибкамъ другихъ ему пришлось провести десять или двѣнадцать лѣтъ въ бездѣйствіи, какъ мы увидимъ далѣе. Это произведеніе, съ фигурами величиной приблизительно въ двѣ руки ³⁾, можно видѣть и сейчасъ еще во Флоренціи,

¹⁾ Лоренцо Великолѣпный умеръ въ своей виллѣ Кареджи 8 апрѣля 1492 г. на сорокъ-четвертомъ году жизни.

²⁾ Скудо—серебряная монета, равная приблизительно 5½ лирамъ.

³⁾ Рука = аршину (приблизительно).

въ домѣ Микель-Анджело. Не успѣлъ онъ окончить это произведеніе, какъ умеръ Лоренцо Великолѣпный, и ему пришлось вернуться въ домъ своего отца. Эта смерть причинила ему такое горе, что онъ долго не могъ ни за что приняться. Придя въ себя онъ купилъ большой кусокъ мрамора, который долгіе годы лежалъ подъ открытымъ небомъ, подъ дождемъ и вѣтрами, и вырубилъ фигуру Геркулеса, вышиною въ четыре руки, которая впослѣдствіи была отправлена во Францію ¹⁾).

XI. Въ то время, какъ онъ работалъ надъ этой статуей, во Флоренціи выпалъ сильный снѣгъ. Піеро Медичи, старшій сынъ Лоренцо Великолѣпнаго, наслѣдовавшій своему отцу, но не перенявшій отъ него его хорошихъ качествъ, пожелалъ, какъ молодой человѣкъ, чтобы для его забавы посреди двора была сдѣлана статуя изъ снѣга; при этомъ онъ вспомнилъ о Микель-Анджело и послалъ за нимъ, чтобы поручить ему исполнить эту статую. Затѣмъ онъ пожелалъ, чтобы Микель-Анджело остался у него, какъ во времена отца, и предложилъ ему ту же самую комнату, тотъ же приборъ за столомъ, съ тѣми же обычаями, какъ и раньше, т.-е. что всякій, кто занималъ мѣсто за столомъ въ началѣ обѣда, не долженъ былъ уступать его никому изъ приходящихъ позже, какъ бы значительны они ни были.

XII. Лодовико, отецъ Микель-Анджело, вошелъ мало-по-малу въ болѣе близкія и дружескія отношенія съ сыномъ и, видя, что онъ почти всегда проводитъ время съ важными людьми, далъ ему лучшее, болѣе приличное одѣяніе. Такимъ образомъ молодой человѣкъ нѣсколько мѣсяцевъ пробылъ у Піеро Медичи, который относился къ нему благосклонно. Піеро имѣлъ привычку хвалить двухъ личностей изъ своего дома, какъ очень рѣдкихъ людей: первымъ былъ Микель-Анджело, а вторымъ испанскій гайдукъ, обладавшій поразительно красивымъ тѣлосложеніемъ, силою, ловкостью и такой способностью бѣгать, что Піеро, сидя на лошади, скакавшей во весь опоръ, не могъ опередить его ни на одинъ шагъ.

XIII. Въ это время, чтобы доставить удовольствіе пріору церкви Санто Спирито, принадлежащей къ числу лучшихъ храмовъ Флоренціи, Микель-Анджело вырѣзалъ изъ дерева распятіе, почти въ ростъ человѣка, которое теперь еще можно видѣть въ главномъ алтарѣ этой

¹⁾ Статуя эта, во время осады Флоренціи (1529—30 г.), была продана семействомъ Строцци, въ домѣ котораго сохранялась долгіе годы. королю Франціи, Франциску I. Куда она дѣлась потомъ—не извѣстно